

ВТОРОЙ ХЛЕБ

Водители грузовых автомашин пригласили меня к себе на автобазу. Нет, это не было, как нынче стало модным, приглашение писателя на творческий вечер в трудовом коллективе. Кстати, дело было вовсе не вечером, а рано утром. В понедельник, 17 октября. Меня пригласили посмотреть, как выразились сами водители, собственными глазами на то, как хмуро стоят в скучном ряду груженые картофелем машины. Накануне они тщетно пытались сдать свежую продукцию в торговые точки и теперь вот, совсем как живые существа, зябнут под открытым небом.

Признаюсь, вначале я отказывался от визита на автобазу. Думал: чего это газета будет заниматься тем, чем должны по долгу службы заниматься сразу несколько министерств и ведомств? Но среди водителей был человек с седой головой, который беспрерывно повторял: «Дело не в самой картошке, дело не в машине, не в бензине. Дело в человеке».

На автобазу я поехал с заместителем министра автомобильного транспорта республики А. Никояном. По дороге узнал о том, что водитель, который отправляется на несколько дней в командировку за картошкой, зарабатывает в сутки всего лишь около четырех рублей. Выяснилось и то, что больше всего хлопот у него бывает в выходные дни, когда торговые точки не хотят принять груз.

Доехали до грузового автотранспортного предприятия. На асфальтированной территории стоит вереница машин. В основном «ГАЗ-52». Подходим к машине «АДБ 92-37». Водитель открывает кузов. Более трех тысяч шестисот килограммов картошки из Степанаванского района. Накануне машина согласно разнарядке подкатила к магазину № 93. Картошку не разгрузили. Дали, что называется, от ворот поворот. Вместе с заместителем министра и директором автобазы отправляемся за машиной «АДБ 92-37» к магазину № 93. Мои спутники о чем-то говорят. Приводят примеры, когда водители грузовых

машин после многодневных рейсов тычутся то в одну торговую точку, то в другую, и к вечеру возвращаются в гараж с грузом. Я ловлю себя на том, что думаю о самом грузе. О добре. О картофеле, названном в народе вторым хлебом.

Но мысли прерывает визг тормозов. Доехали. Остановились у вышеназванного магазина, что находится на проспекте Комитаса. Справляюсь у старшего продавца Л. Балабеяна: «Почему вчера не приняли груз?» — «Некуда девать», — отвечает он. — «Почему же в таком случае в разрядке указан именно ваш магазин?» — «Понятия не имею», — отвечает он.

Легче всего, конечно, было бы обвинить заведующего магазином или старшего продавца. Мол, смотрите, какой нехороший человек. Мол, люди трудились целый год, люди привезли тебе готовенькую продукцию, а ты, нехороший человек, не хочешь принять картошку и продать населению. Но ведь мы же с вами, дорогой читатель, реалисты. Да и вообще, прежде чем обвинять, прежде чем защищать, надо изучить дело, вникнуть в его суть. Правда, нелегкое это дело — хотя бы попытаться разобратся в сути и смысле реализации формулы «от поля до прилавка». Тут ведь, что называется, сам черт ногу сломит. И мне подумалось: пусть суть дела изучают ученые-специалисты, пусть обвиняют и защищают представители соответствующих правовых институтов. Пусть каждый занимается своим делом. Я лично займусь непосредственно картошкой, которая была выращена человеком.

Магазин № 93 действительно был весь битком забит клубнями. Люди покупали неохотно. Ворчали, но брали. Ворчали потому, что вся картошка была перемешана с землей. Как потом мне скажут в Минплодоовощхозе: «Порой на машину, то есть примерно на три тонны, — более полутонны земли. А кому же хочется в сумке тащить домой землю? Вот и ворчат. Виноват ли продавец, на которого летят все шишки?» Затрудняюсь ответить однозначно. По-видимому, он тоже виноват. Одно ясно: покупателю нельзя за его кровные деньги продавать грязь. Словом, торговля и без того шла с грехом пополам, а тут вдруг привезли еще картошки. Народ, увидев, как разгружают относительно чистые клубни, естественно, отказался от грязной. И выстроились люди в очередь за свежей продукцией с неплохим товарным видом. Что будет со старой? Это уже одному Богу известно. Говорят, мол, часть сгниет, часть отправят на производство крахмала. Говорят. Одно известно: люди уже не берут. Но вот вдруг привезли еще. И тут-то старший продавец

отказался от степанаванской картошки. В самом деле — куда деть? Правда, дана строгая команда — принять, и никаких гвоздей. Но куда? На открытый асфальт запрещается. Навеса нет. Складских помещений нет. А в самом магазине, как мы уже знаем, битком набито.

Я вновь забрался на кузов машины «АДБ 92-37». Великолепные клубни картофеля. Аппетитные. Вспомнил песню: «Небось картошку все мы уважаем, когда с солью ее намать». Чувствовал, как душа болит за него. Ведь уже третьи сутки он находится в душном кузове. Тут же связались с магазином № 95. Оказалось, и там «битком». Вынесли решение все-таки принять продукцию здесь же, на месте. Уж слишком большая очередь была. Думали, разгрузят отличный товар, и люди развезут по домам. Кое-как нашли приют и остальные машины. В тот день заместитель министра автотранспорта А. Никоян наказал водителя одной из машин, который привез в город вместо трех-четырёх тонн всего шестьсот килограммов. Так и не сумели выяснить, куда делся груз.

Мы же отправились в плодое объединение района имени 26 комиссаров. Директор М. Саркисян. Это здесь раздают водителям разнарядки. Так что еще до того, как отправиться за грузом, водитель хорошо знает, куда он должен доставить его. Спрашиваю у директора, мол, как же так получается, что с разнарядкой приезжают в соответствующий магазин, где не принимают? Директор приводит цифры, над которыми нельзя не призадуматься: «Район может продать пятнадцать тонн в день. Ну, при сверхжелании цифру эту можно удвоить. То есть, если приложить все силы, пустить в ход рекламу, можно продать около тридцати тонн. При этом, конечно, будет страдать реализация других продуктов, потому что все внимание направлено на картошку. Но вот в день завозят до... пятидесяти тонн. И не просто завозят. А приказывают: «Принять все до последней картофелины. Как хотите, куда хотите».

И принимают. На протяжении двух недель чуть ли не все тротуары завалены клубнями вперемешку с землей. Приняли, то бишь обманули сами себя. Выгрузили. Перегрузили с асфальта в помещение торгового пункта. И все это лопатами. Швыряют как речную гальку. А в это время читаю мысли специалиста, высказанные в центральной печати о картошке, которая является не только важнейшей сельскохозяйственной продукцией, но и продукцией «базовой». И еще она является «существом ранимым». Наверное, мы так до конца и не усвои-

ли для себя, что этот «грубоватый» на вид картофель по натуре своей очень даже нежный и очень даже хрупкий. И вдруг по пять-шесть раз швырять его совковой лопатой. Вот и портится на глазах. Через пару недель, примерно накануне Октябрьских праздников, мы уже видим в магазинах совсем не то, что две недели назад родила земля. И мы вынуждены ехать на базар.

Отправляюсь из объединения в Министерство автотранспорта. Беседуем с министром автотранспорта. Меня интересует, почему наши машины везут в город вместе с картошкой чернозем. Признаемся, положи руку на сердце, ведь земля дороже самой картошки. Хажак Андраникович рассказывает о том, что во многих районах имеются сортировочные агрегаты, которые не только очищают корнеплоды от земли и грязи, но отделяют крупные от мелких. Оказывается, почти ни одна из таких сортировочных машин не работает. Вот и грузят прямо с землей и грязью. Можно, конечно, водителю отказаться от такой продукции. Но вряд ли это поможет. Скажут: «Не хочешь — как хочешь». С цифрами в руках министр доказывает, что все равно сто три овощных магазина Еревана одновременно не смогут принять всю продукцию. Надо думать о том, как размещать клубни и по мере надобности доставлять в торговлю. Опять же дело сводится к добротному картофелехранилищу. Спрашиваю министра о грузовом парке. Может ли министерство в пиковые периоды обеспечить Минплодоовощхоз нужным количеством машин? Ответ не заставляет себя ждать. Оказывается, Министерство автотранспорта может выделить на 30 процентов больше машин, чем планируется.

Еду в Министерство плодоовощного хозяйства. Министр, прежде чем начать разговор о судьбе картошки, рассказал о состоянии плодоовощных магазинов. Во многих наших торговых точках практически нет никаких удобств. Есть уже установленные нормы. Для плодоовощных магазинов на тысячу посетителей положено около пятнадцати квадратных метров. Мы имеем почти в три раза меньше площади. Целые горы картофеля Министерство плодоовощного хозяйства практически вынуждено реализовать в течение пятнадцати — двадцати дней. Я уточняю: «Что значит в данном конкретном случае «реализовать»?» Оказывается, в основном надо успеть продать, ибо емкостей для хранения не хватает. Практика показывает, что за столь короткое время проводить качественную торговлю просто невозможно. И тем не менее каждый год — одно и то же. Паника в течение двух-трех недель, а потом — гниение. Прав

министр: почему бы не буртовать картофель на местах? В печати, правда, рассказывалось о том, как в Нечерноземье львиная доля бурта портится, особенно в морозную пору. Но ведь, что бы там ни говорили, республика наша южная, и можно сделать, наверное, все, чтобы именно львиную долю спасти.

Справился я и о проблеме транспортировки. Присутствовавший при беседе заместитель министра плодоовощного хозяйства М. Б. Назарян говорит: «Министерство автотранспорта не обеспечивает тридцать процентов наших заявок». Не правда ли, странно? В одном случае мне говорят, что могут обеспечить на 30 процентов больше, в другом — наоборот.

Вроде все очень стараются, но почему-то в конечном итоге страдает только она, картошка. Уж наверное никто не хочет, чтобы она портилась. Уж наверное все хотят, чтобы до нового урожая на нашем столе был бы в достатке второй хлеб. И все же, работая над этими заметками, изучая проблему, встречаясь с тружениками полей, с торговыми работниками, убедился, что у нас, у всех, какое-то, я бы сказал, пренебрежительное отношение к картошке. У меня даже создалось такое впечатление, что, скажем, апельсины перед нами встают в образе этакого фрака, а вот картофельные клубни — это уже кирзовые сапоги или ватная телогрейка.

Однако, ничуть не оскорбляя достоинства фрака, скажем, что многое на этой земле держится в первую голову на кирзовых сапогах и телогрейках. В суровую годину военного лихолетья поэты воспевали их, как воспевали его величество второй хлеб. Сегодня мы знаем писателей и публицистов, которые не желают «опускаться до уровня картошки». Один из моих юных коллег так и заявил: «Меня больше интересует душа, а не живот». Что ж, это, наверное, и есть осязаемое счастье — целое поколение не знает чувства голода. Только вот, думается, нельзя не знать, что эта самая душа всегда держалась и всегда будет держаться, да простят меня за «излишний прозаизм», не просто на животе, а на сытом животе.

До картошки смело «опускались» Пушкин и Толстой, десятки и сотни русских писателей. А Тарас Шевченко с горечью писал в стихах о том, как «мудрый немец» растит картофель в Сечи и продает его украинцам. В публицистической книге «Про картошку» рассказывается, как на парижском кладбище Пер-Лашез — среди плюща, мрамора, бронзы — есть скромная могила. На ней каждый год в июне зацветает картофель. Такую вот честь французы оказывают своему великому аптекарю Ан-

туану Пармантье, который распространил картофель «во славу прекрасной Франции». Вряд ли кто предполагал, что этот невзрачный корнеплод станет основой «демографического взрыва», который наблюдается в мире с конца прошлого века. Прусские короли, насаждая в своем государстве картофель, записывали в своих указах, что «новая культура есть средство заставить бедных и больных перестать быть таковыми!» Во время встречи с Михаилом Александровичем Шолоховым в Вешенской я ему рассказал, что довольно часто пишу о проблеме сохранности сельскохозяйственной продукции. Великий писатель земли русской назвал тогда картошку, кроме всего прочего, «стратегическим сырьем».

Величайшим благом и воистину украшением национально-го стола является картофель в Армении. Очень мало его. Всего-то производим около семидесяти килограммов на душу населения. А по всей стране — триста. Так что нам своих клубней, как бы мы ни сэкономили, едва хватит до нового года. Наверное, не мешало бы об этом знать каждому жителю республики. Может, тогда иными глазами будем смотреть на то, как грубую совковую лопату вонзают в горку из нежных клубней, давя и перерезая на части картофелины. Около двадцати тысяч гектаров великолепной земли идет под картофель. Это примерно 5 процентов всей пашни республики. По всей стране цифра эта намного меньше (3,5%). И мы вынуждены пойти на постоянное увеличение площадей, отведенных под картофель. Ибо картофель — это и корм. Это 25 процентов стоимости всей растениеводческой продукции. Призадумайтесь: каждая картофелина на вес золота!

Говорят, с молчаливого согласия равнодушных людей совершаются многие преступления. Мы не можем быть равнодушны к бесхозяйственности, которая по нашей морали — сродни преступлению. Наверное, нельзя из года в год смотреть на то, как портится народное добро, и ничего не предпринимать. В конечном счете мы обманываем землю. А землю — грех обманывать. Так любили повторять наши предки. И об этом я впервые услышал от собственного деда. Во время войны мы с дедом часто трудились в огороде. Мне было семь, ему — семьдесят семь. Я знал, что дед без очков плохо видит, не может разобрать мои рисунки. Был уверен, что он плохо видит вообще. И об этом я подумал, когда однажды вместе сажали картошку. Дед копал, я бросал в ямки по четыре-пять крохотных картофелин. Спина страшно ныла. Все хотелось, чтобы быст-

рее кончился этот самый семенной картофель. И, вспомнив о том, что дед плохо видит, я бросил в очередную ямку сразу большую пригоршню. Дед молча засыпал землей. Повезло. То же самое сделал в очередной раз. Но лопата деда вмиг заскучала. Я ждал. Ждал и он. Я вытащил одну картофелину. Он ждал. Я вытаскивал еще и еще. И засыпал он землей лишь тогда, когда в ямке осталось пять штук.

Дед ни в тот день, ни после ничего не сказал. Он понимал мое состояние. И я подумал, что он вообще забыл об этом случае. Но вот в конце лета, когда уже начинали убирать урожай, дед подвел меня к той самой ямке. Стал копать рядом. Делал как-то демонстративно. Вытаскивал огромное количество крупных, красноватых картофелин. А потом попросил, чтобы я стал выкапывать клубни из той «моей» ямки. Я послушно вонзил лопату в податливую землю. Разворотил ее. Выходила одна лишь мелочь. Вместе с новыми горошинами на поверхность вылезли полупрогнившие семенные клубни. Их было много. Вот тогда дед и сказал, что нельзя обмануть землю, оставаясь безнаказанным.